

Алексей Вронский

Заусенец

18+

Алексей Николаевич Вронский Заусенец

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=45876962

SelfPub; 2023

Аннотация

«Заусенец» – книга о детстве. Это погружение в чудесный и удивительный, но вместе с тем, полный разочарований, унижений и жестокости мир подростковой души. Это литература «прямого действия». Произведение мотивирует читателя к добрым поступкам. В процессе чтения происходит не только возвращение в мир детства, но и очищение читателя, работа над нравственными ориентирами. Гуманистическая направленность произведения и вера в Человека позволяет и в отрицательных персонажах раскрыть человеческие качества.

Содержание

Алексей Вронский	5
ЗАУСЕНЕЦ	6
Глава 1. Рыба или мясо	7
Глава 2. В отеле «Мелья», как всегда, многолюдно	14
Глава 3. Директриса Евдокия Александровна	17
Глава 4. На стенах в душевой	23
Глава 5. Антонио снял очки	34
Глава 6. Следователь Грегорио	40
Глава 7. Курсы приёмных родителей	45
Глава 8. Когда они вышли с курсов	54
Глава 9. Евдокия имела привычку подниматься по будильнику	60
Конец ознакомительного фрагмента.	62

Алексей Вронский Заусенец

В оформлении обложки использована фотография
«Обои Игральные кубики, один на другом» с [https://
wallpapers.99px.ru/wallpapers/download/255103/](https://wallpapers.99px.ru/wallpapers/download/255103/)

Алексей Вронский

ЗАУСЕНЕЦ

Мигелю Гонгоре

Кармен Виньяс

Тамиасу Стриатусу

Глава 1. Рыба или мясо

«Рыба или мясо?» – я очнулся от приятного, расслоившегося на отдельные слоги голоса стюардессы. Откинул столик и только смог раскрыть рот, как она возразила: «Рыбы уже не осталось, простите, вот говядина с рисом». Ничего не хотелось, но я решил поесть впрок, так как знал, что прилетаем мы поздно и я вряд ли отыщу какой-либо открытый ресторан. Механически проглотил ужин, запивая томатным соком. Тело затекло, вбитое в тесное межкресельное пространство (на кого вообще рассчитаны эти сиденья?). Я попросил соседа выпустить меня пройтись. В хвосте самолёта, возле туалета, – небольшой закуток. Я присел несколько раз, привстал на цыпочки, дежурно вращая ступнями то по часовой стрелке, то против. Приседая, наткнулся взглядом на затылок на последнем ряду, развернувший *El País*¹. Огромная статья во весь разворот с непереводаемым каламбуром в заголовке: «¿Adoptado no adaptado?»². «О, Господи! И здесь про это? Никуда не деться», – подумал я про себя, но, видимо, как-то громко или произвольно произнёс какой-то звук, потому что господин обернулся, улыбнулся мне и спросил:

¹ *El País* (исп.) – ежедневная общественно-политическая газета. В дальнейшем переводы с испанского не оговариваются. Здесь и далее все переводы, кроме специально оговорённых, принадлежат автору. – *Прим. ред.*

² «Привитой, но не прижитой?»

– Вы что-то сказали?

– Я? Нет! – мой ответ прозвучал на выдохе, так как в этот момент я продолжал приседать и говорил чуть запыхавшись. Он посмотрел на меня с интересом.

– Вы говорите по-испански?

– Да. Могу защититься.

– И напасть, я думаю, тоже.

Опять каламбур.

– Где учили?

– В институте, но у меня большая практика, я много раз был в Испании.

– Интересно! Где, например?

– Проще сказать, где я не был... Мадрид, Барселона, Сарагоса, Севилья, Тенерифе, Коста-дель-Соль...

– Достаточно, хватит, я понял, что вы были везде. Чем занимаетесь?

– Я переводчик.

– Ну, тогда все понятно, то есть Испания – ваша профессия?

– Вроде бы да, – я пожал плечами.

– Сводит ноги?

– Частенько.

Он встал, показал мне пару упражнений, которые я знал, – но сделал вид, что в моём арсенале их нет.

– Меня зовут Артуро, – он протянул руку.

– А меня Алексей.

– Алексей – это Алехандро или Алекс? – этот вопрос задаст девять испанцев из десяти.

– Алексей.

– Давай на «ты».

«Наконец-то, – подумал я. – Общаться на «вы» по-испански – одно мучение».

– Я журналист. Был в России, собирал материалы по одному жуткому делу.

– «¿Adoptado no adaptado?» – вопросительно кивнул я.

– Именно. Название классное, правда?

– Да, неплохое.

– В Испании зреет грандиозный скандал по этому поводу. Ты же понимаешь. У нас тихая спокойная жизнь. Все работают и обедают по часам. Ничто не нарушает привычный ритм и распорядок. Представь себе: маленький городок – и вдруг убийство.

В самолёте было жарко. Система кондиционирования не справлялась. Артуро расстегнул молнию на кофте. Из-под неё высунулась футболка с рекламой и символами велогонки Vuelta³. Он заметил мой взгляд и, похлопав себя по груди, объявил: «Я занимаюсь велоспортом. Рекомендую. Могу проехать за день 150 километров».

– Ты едешь по специальным дорожкам или по обычной трассе?

– Конечно по обычной трассе!

³ Vuelta – ежегодная велогонка в Испании.

– И тебе не страшно?

– Нет. У нас все уважают велосипедистов.

Я подумал: «Сказать ему, кто я? Да нет, наверное, не следует. Надо для начала добраться до места, во всём разобраться». То, о чём писали газеты, было ужасно, но я никак не мог поверить в это.

– Ты был в России? Удалось что-то расследовать?

– Я в принципе и до этого был в странах третьего мира...

Прости, что я так назвал твою родину.

– Нет, я не обижаюсь, я привык к тому, что в России первый мир попеременно с третьим. Особенно в нравах.

– Вот-вот. Я был удивлён. Сверкающие огромные «мерседесы», ползущие от ресторана к ресторану в центре Москвы, и ужасающая, гнетущая атмосфера провинции, где в основном и расположены приюты. Да и сами детдома по нравам и атмосфере напоминают больше тюрьмы или колонии... У меня выйдет ряд статей по этому громкому делу. Переполошилась вся страна. Тема очень болезненная.

Он остановил стюардессу и предложил:

– Хочешь вина?

– Давай.

Я чувствовал себя совсем неважно, мне хотелось расслабиться.

– Здесь теперь дают «Сан Валентин»⁴. Не бог весть что, но пить можно. Знаешь, о чём я хотел тебя спросить. Вот

⁴ «Сан Валентин Парельяда» – марочное испанское вино.

что мне стало интересно. Я проехал по России, Алекс, и видел много образованных, культурных, очень умных людей. Я встречался и общался с очень развитыми людьми, интеллигентными, начитанными. С людьми, имеющими европейское образование и европейское мировоззрение. Объясни мне, отчего у вас так много брошенных детей? Причём детей, не просто оставленных в детдомах, когда они круглые сироты, а детей, родители которых живы. Их сотни тысяч, возможно, миллионы! Говорят, правительством создан целый банк данных детей-сирот. Этого нет в таких масштабах ни в одной стране мира! Как можно это объяснить?

С этими словами он замолк, нажал на кнопку и вызвал стюардессу.

– Будьте добры, принесите нам ещё вина.

Он протянул ей две пустые бутылочки.

Что ему ответить? Борясь с бурным потоком мыслей, я чувствовал: что бы я ему ни возразил, из-за разницы менталитета мою точку зрения он никогда не примет. Не надеялся, что он читал Горького, Решетникова или Сологуба. Я понимал, что русский человек тёмн и груб, живёт во власти тьмы, но всё же одновременно прекрасен. «Всё в человеке, всё для человека»⁵. Я боялся, что вторая часть рассуждения померкнет за первой, он вцепится в неё журналистской хваткой и на днях в газете я прочту, что сами русские признают свою неполноценность. Но этого я как раз не хо-

⁵ Горький М. На дне.

тел. Вспомнил, как читал в детстве сборник испанских сказок и как они поразили меня своими жестокостью, насилием, неотвратимостью наказания и прочими мерзостями. Подробностей сюжета я уже и не вспомню, но с детства остался осадок в душе: вечно там кого-то ловили, сажали в мешок, били палками и сбрасывали в реку. И всё это описывалось подробно. Выходили по духу не пиренейские, а кавказские мотивы. Брр...

Я абсолютно не знал, что ответить ему. Промямлил что-то вроде того, что везде есть плохие и хорошие люди. Из вежливости он согласился, хотя было очевидно, что он рассуждает иначе, просто ему уже не хотелось спорить со мной.

Когда он выходил, он вытащил из пакета шапку-ушанку с армейской кокардой. Расправил её, заржал и сказал мне гордо: «Чапка-учанка!» Из пакета торчали несколько бутылок водки и палехские шкатулки. В этот момент я обрадовался, что не полез в долгие объяснения. Бесполезно. Он бы ничего не понял. Обыкновенный турист. В поисках штампов. От этого сделалось ещё противнее.

Ожидая чемоданов, Артуро подошёл ко мне, достал из внутреннего кармана портмоне визитку и протянул мне. Потом попросил её обратно, достал ручку, вычеркнул один из телефонов и надписал другой. Цифры прыгали – было видно, что привык записывать все впопыхах и за почерком не следил.

– Алекс, это моя визитка! Звони, если что-то потребуется.

Или просто так. Сходим с тобой в Мадриде в Barrio de los Austrias⁶. Пройдёмся по барам и дискотекам. Я живу недалеко от парка Retiro⁷. Звони!

Он хлопнул меня по плечу, подмигнул, поддёрнув при этом половиной лица. Чуть отбежал по ходу ленты, схватил огромный самсонайт⁸ и скрылся из виду.

⁶ Barrio de los Austrias – австрийский квартал, где когда-то находилась резиденция Габсбургов, с самыми красивыми в Мадриде площадями, церквями и оперным театром. Изобилует барами и дискотеками.

⁷ Parque del Buen Retiro – городской парк в центре Мадрида.

⁸ «Самсонайт» – бельгийская марка чемоданов.

Глава 2. В отеле «Мелья», как всегда, многолюдно

В отеле «Мелья», как всегда, многолюдно: на завтра намечен симпозиум крупной фармацевтической компании. В холле царит оживление, и в последних приготовлениях к мероприятию ощущается приятная суета. Повсюду развешены флаги с разноцветными ромбами и кристаллы из светящихся огоньков. Девушки в униформе стоят за столиком слева от ресепшена и регистрируют первых гостей. Всем раздают авторучки и блокноты. Через холл, под потолком, – баннер: «Мы оплодотворяем будущее».

«Любопытное название», – думаю я и подхожу к стойке ресепшена. Тёмная девушка с идеальным набриолиненным пробором и блёстками на лице расплывается в чересчур приветливой улыбке и спрашивает меня:

- Скажите, сеньор, вы участник конгресса?
- Нет-нет, я по другим делам.
- Вы бронировали?
- Да, конечно. – Я протянул ей паспорт.
- Замечательно. Мне потребуется ваша кредитная карта.
- Скажите, Марисоль, – я подсмотрел её имя на нагрудном бейджике, – а что это за конгресс?
- Медицинский конгресс по вопросам экстракорпораль-

ного оплодотворения.

– Да?

Отвлёкшись на ксерокс и копию моего паспорта, она встала вполоборота и, улыбнувшись, спросила:

– А что вас так удивляет? У нас большие проблемы с оплодотворением. Низкая рождаемость. Да и с усыновлением куча проблем. Может быть, вы уже слышали?

– Да, слышал.

Настроение моё опять испортилось. «Сан Валентин» испарился.

Едва зайдя в номер, я, как был, в одежде, бросился на кровать и пролежал в таком положении долгое время, пока не заломило щёку, которой я неловко упирался в жёсткий угол подушки.

Несмотря на поздний час и усталость, я почувствовал, что голоден. Наверное, из-за нервов. Я спустился в холл. Ресторан ещё работал. Играл Гершвин. Поредевшие посетители заканчивали поздний ужин.

– Филе-миньона нет, могу предложить филе-шато.

– Согласен.

Через пару минут камареро⁹ вернулся и сказал извиняющимся голосом, пересаливая лицом:

– Я очень сожалею, но я перепутал: как раз миньон есть, шато нет.

– Ничего страшного!

⁹ Официант (исп.).

Я старался держаться как можно непринуждённое:

– Ну вот, а я уже настроился на шато! Шучу! – сказал я. –

Несите шато, то есть миньон!

«Ишь ты, какой честный, – подумал я, – если б он не сказал, я бы и не догадался, так как вряд ли обратил бы на эту оговорку внимание. И смолотил бы за милую душу что шато, что миньон... Но он всё равно предпочёл рассказать мне правду. Как же легко быть честным в мелочах, когда от твоей правды ничего не зависит».

Глава 3. Директриса Евдокия Александровна

Директриса Евдокия Александровна работала в этой должности уже двадцать лет. В молодости жизнь её немало потрепала, но в течение всей жизни было, пожалуй, одно вторяющееся обстоятельство, которое её больше всего расстраивало, не давая расслабиться и спокойно жить: ей крайне не везло с мужчинами. После педагогического она сильно влюбилась; Евдокия была натурой романтической и любила цитировать Ахмадулину и Рождественского, которых заучивала наизусть. Её избранником был смазливый лейтенант по имени Борис, только что закончивший академию и соблазнявший её переездом то ли на Сахалин, то ли ещё дальше. Когда всё было уже решено и они должны были отправиться на вокзал, он почему-то не явился, на несколько месяцев пропал, а когда она пришла в академию, то руководитель её Бориса, пожилой подполковник с табличкой на кабинете и смешной, запоминающейся фамилией Повторыдядько, прокашлялся в руку, одёрнул вниз борт кителя, положил ей руку на плечо и, не смотря в глаза, стал подталкивать её к выходу из кабинета, приговаривая:

– Вы бы, гражданочка, поскорее забыли своего ухажёра, так как Борис Владимирович, как вам сказать, того, женат...

Она запомнила только, как в тот момент медленно и влажно опустились веки и что-то гадкое и жгучее разлилось под кожей лица, как перехватило дыхание, как клещами стянуло виски и застучало что-то в груди, похожее на сердце, но сердцем это назвать уже было нельзя: это пульсировал и гонял кровь кусок мяса, мигом лишившийся чувств и любви, которые куда-то выпали раз и навсегда и больше уже этот орган не посещали.

Что-то страшное в мыслях прыгало в её разгорячённой голове. Желание тут же заглянуть в узкий лестничный пролёт было предусмотрительно перехвачено подполковником, который сопровождал её до вахты у выхода, а гадливые мысли: «Ах, почему его не убили, а я бы жила спокойно как вдова?» – отскакивали от виска в висок.

Вечером того же дня последовало отвратительное объяснение с тёткой, у которой она жила и которая рассчитывала, что она съедет к жениху и освободит диван в гостиной. Больше, конечно же, интересовал тётку не диван, а холодильник, содержимое которого, несмотря на родство, делить ей больше не хотелось. Надо сказать, что весь их род был подвержен одной странной особенностью: всех детей всегда воспитывали не матери, а тётки. Всегда это было связано с преждевременными смертями. А впоследствии, тёткой пригретая, племянница отдавала свой долг будущему поколению. Так случилось, что продолжение их рода всегда было какое-то боковое: вся их порода шла ходом шахматного коня, дети пе-

ремещались не вперёд, а вбок, от матери к тётке...

Были после этой истории попытки ухаживания со стороны других заезжих ухажёров, но все они разбивались о толстую скорлупу мужененавистничества и презрения, в которую она себя поместила. Шли годы, её интерес к мужчинам всё угасал, а нетерпение и раздражение всё росли. Лицо её высохло, покрылось глубокими морщинами, то тут, то там вспенились тёмные бородавки с пучками седых волос и невусы, которые она вовремя не удалила. Размер этих бородавок отвлекал от образа и превращался в её отличительную черту. Общаясь с ней, собеседник больше не мог обращать внимания ни на что иное и, даже смотря ей в глаза, сбивался и начинал с интересом рассматривать гигантские наросты на её коже.

Нуждаясь в жилплощади, она решила устроиться в интернат, в котором семь лет проработала воспитателем. Поначалу она даже испытывала тёплые чувства к детям, которым, за неимением своих, отдавала тепло и покупала конфеты и печенье в ближайшей бакалее. Когда бывшего директора Бориса Петровича перевели в областной центр в министерство, а ей предложили возглавить интернат, она сначала восприняла это как важное назначение и повышение по службе. Она вцепилась в работу со всей неуёмной хваткой и диким трудолюбием. Семьи у неё не было, дома никто не ждал, поэтому она частенько засиживалась на работе до часу ночи, а затем, боясь возвращаться пешком по тёмным закоулкам райцентра, застилала раскладушку и оставалась ночевать у себя

в кабинете. Время шло, характер с годами только портился, да и интернатские дети раздражали её всё больше и больше. Главное, что она почувствовала за эти долгие годы: чем больше в методах управления коллективом и детьми она будет руководствоваться жёсткостью, чем больше групп влияния и подавления будет создано, тем легче ей будет управлять этим плохо управляемым персоналом, а особенно – неуправляемыми детьми. Всё больше ходила она по коридорам с выражением: «Где тут мои дети?», заламывая бровь, как Карабас-Барабас.

Ненависть к человеку сожительствовала у неё с любовью к искусству: она была влюблена в театр, которым сама руководила и в котором принуждала играть всех детей. Театр в её системе был центральным звеном воспитания и послушания. Наказание, кстати, тоже могли распределять через театр. Непослушным могли либо отказывать при распределении ролей, либо, наоборот, подбирать роли оскорбительные, унижительные, но с большим количеством текста, который приходилось вбивать в не самые светлые головы так, как молотком вколачивают гвоздь в бетонную стену.

Театральная иерархия была крайне важна. Успешный спектакль, хорошая роль могли поспособствовать тому, что воспитанник получал приз или гостинец. И наоборот, неудачное выступление неминуемо приводило к лишениям, наказанию и ещё большей опале.

И чем более она ввергала детей в сложную истерию те-

атральной игры, тем больше крепла уродливая «истина», что искусство способно было исправить их изуродованные сиротством души. Она лицемерно отказывалась от мысли, что этому не суждено случиться, ибо та система, которую она насаждала, ещё больше калечила неокрепшие организмы, а спектакли, которые она подбирала, были в глубине души этим несчастным детям либо безразличны, либо отвратительны. Слишком большой контраст был между тем, что они играли на сцене, с которой сыпали непонятными и высокопарными словами о дружбе, любви и достоинстве, и тем ужасом, который творился и разыгрывался в пьесе их жизни, где им досталась столь незавидная и заведомо проигрышная роль.

Так же театрально были подобраны и воспитатели детского дома, которых, как и директрису, отличали непоколебимая уверенность в собственной правоте и осознание того, что они делают великое и благое дело. Посему те жестокости и перегибы в наказаниях, которые они были вынуждены применять, были для них всего лишь необходимыми инструментами исправления и воспитания, продуманными ими до мелочей с тем, чтобы при первой необходимости подавить любой бунт и любую инициативу. А процветающая жестокость между самими детьми служила для них параллельной невидимой системой подавления и запугивания, которая негласно ими поддерживалась и подпитывалась; как криминальный авторитет выгоден тюремному начальству и пользуется

его расположением, так и особо крепкие и авторитетные ребята получали негласную поддержку руководства детдома.

И всё это называлось «любовью к детям».

Глава 4. На стенах в душевой

На стенах в душевой выросли плесневые грибы. Вызывали маляров и мазали штукатурку краской, но ничего не помогало, и влажная флора распространилась по всему периметру. С ней какое-то время боролись, но потом бросили это как бесполезную затею.

Затем приехала комиссия Минздрава и признала содержание интерната неудовлетворительным. Облезлый чиновник долго осматривал стены, пытаясь выяснить, является ли грибок опасным, но по его голове было видно, что учился он уже очень давно: энциклопедий лет тридцать как не открывал. Он задумчиво поскоблил стену кончиком авторучки и ею же выписал предписание. Было принято решение душевые и санузлы на время ремонта закрыть, а в июне сколотить временную помывочную на территории.

Приехал грузовик и сбросил кучу старых почерневших досок. Поговаривали, что на ремонт выделили приличную сумму денег, но директриса, как всегда, распорядилась ими по-своему, заказав вместо новых пиломатериалов доски со старого забора. Рабочие торопились и душевую сколотили наспех: стенки вышли кривыми, горбыль¹⁰ был разномер-

¹⁰ Горбыль – крайняя доска при распилке бревна, выпуклая с одной стороны // Толковый словарь русского языка // Под ред. Д.Н. Ушакова. – М.: Гос. ин-т "Сов. энцикл."; ОГИЗ; Гос. изд-во иностр. и нац. слов, 1935–1940. (4 т.)

ный, то тут, то там были мелкие щели, которые никто и не думал заделывать.

Заусенец в свободное время частенько прятался в дальней части сада, рассматривая кусты, на которых поспели жёсткие белые ягоды, называемые волчьими. Есть их было нельзя, зато срывать и трескать, давя ногами на асфальте, можно было столь же долго, как лопать целлофан с пупырышками. В кустах можно было подкараулить «врага», играя в войнушку, и разрядить в него десяток белых патронов.

Сегодня выпал банный день, им выдали трусы и майку на смену, и он ждал команды, когда их поведут в душ. Идти туда совсем не хотелось, так как раздеваться при других всегда было неприятно и страшно, да и смотреть на другие обнажённые тела было как-то нехорошо. Он не понимал, почему так происходит, но чувствовал, что, снимая одежду, становится совсем беззащитным, побаивался в такие моменты и воспитателей, и других мальчишек, которые грубо шутили, могли ударить, или сделать больно, или как-то особо унижить.

В такие минуты он старался держаться в сторонке, быстро раздевался, мылился, ополаскивался и вытирался, чтоб быстрее одеться вновь и не быть смешным и уязвимым. Он хорошо помнил, как кто-то из ребят подшутил над ним – его затолкали под душ, из которого шёл крутой кипяток. Было дико больно, кожа на спине пошла волдырями, он две недели пролежал в изоляторе, но самым противным было вспо-

минать, как зло смеялись ребята и какими при этом становились их глаза – мёртвыми, как у отрезанных рыбьих голов в кошачьей миске на кухне.

До помывки оставалось свободное время, так как первыми мылись девочки. Стояла солнечная погода, Заусенец сидел на земле, отогретой лучами. Он не заметил, как кусты раздвинулись и из-за них вылез Багор, противный и очень крепкий парень, старше на два года, и стал бесшумно делать ему знаки. Лицо Багра было старым и выцветшим. Его мать-алкоголичка изредка навевалась в детдом, скандалила и требовала вернуть ей сына, но директриса выпроваживала её прочь, грозилась звонить в «опеку» и кричала ей, что она не получит никакого пособия. Что означало «опека», он не понимал, – единственное, что он понимал: от неё зависит его судьба.

Багор рос жестоким и злым, набравшись опыта на районе, где он промышлял грабежами вместе с дагестанцем Ахметом. Именно от Ахмета он нахватался кавказских привычек и кавказского коварства: никому не доверял, верил только в силу и всегда старался нанести удар первым.

Заусенец вспомнил, как чистил зубы и склонился над раковиной. Проходящий рядом Багор ни с того ни с сего так больно ударил его ногой сзади, что он наткнулся ртом на кран, чудом не вышибив себе зубы, и больно расцарапал щёткой горло. Багор нисколько не смутился, – напротив, громко захохотал и был доволен собой. Жестокость его была

уже природной, применял он её повсеместно. Казалось, что он питается своими садистскими выходками.

Багор смотрел на Заусенца кривым взглядом: один раз его сильно покалечили в драке, и он чуть не лишился глаза. Били его наверняка, пытаясь забить насмерть, но бросили, так как вмешалась милиция. Глаз долго болел, сочился гнилью, и, скорее всего, он бы его потерял, но его показали в областном офтальмологическом центре главному врачу. Тот долго возился с ним, прописывал промывания и уколы, и Багор пошёл на поправку, только веко его, истрёпанное и рваное, неуклюже свисало, прикрывая глаз наполовину, так что он временами оттягивал его куда-то вбок и вверх, стараясь, чтоб оно там и оставалось, но оно через какое-то время сползало обратно.

– Ты что тут сидишь, а?

Заусенец сам не знал, зачем он тут сидел, – он не мог даже подумать о том, почему и зачем он здесь, а уж выразить словами был тем более не в состоянии.

Говорил он всегда крайне мало – слова не рождались в голове, не складывались в цепочку, чтоб лететь озвученными мыслями легко и свободно, защищая его от людей. Но он часто видел, как слова, наоборот, губили, за них приходилось держать суровый и страшный ответ. Как-то Кулич, друг Багра, играя в «колбасу», в спешке обозвал его козлом, и тот, не раздумывая, запустил ему ракеткой в голову. Все сравнивали этот полёт с броском сапёрной лопатки в фильме про де-

сантников. Кулич даже не успел взвизгнуть, схватился руками за голову и осел. Между пальцев тёплым липким ручьём лилась на пол кровь.

Все в ужасе стали и отодвинулись подальше от лужицы крови, образовавшейся на линолеуме. В этот момент в рекреацию с криками вбежали сторож и директриса. Сторож тут же для понимания вклеил такую затрещину Багру, что того чуть тоже не увезли на скорой. После этого случая «колбасу» запретили, а стол для пинг-понга убрали на чердак.

– Ты ягод этих много не ешь, ядовитые они! – Заусенец кивнул на всякий случай в знак согласия.

Багор мог придумать в любой момент какую-нибудь гадость. Прошлой осенью он заставлял их после школы ходить с трёхлитровой банкой по городу и искать окурки. Все должны были сдавать ему свою долю. Надо было сбежать с последнего урока, ходить возле урн и собирать бычки. Банка набивалась медленно, Багор злился, мог заставить ходить до вечера. После этого долго нельзя было отмыть желтизну с рук и запах табака, а воспиталка приставала к ним с угрозами: «Смотри, если увижу, что курите, отрежу вам губы!»

– Пойдём, Заусенец, я тебе кое-что покажу. Ты, наверное, такого никогда не видел, хоть на титьки посмотришь...

Багор улыбнулся. Зубы у него были чёрные от гудрона, который он постоянно жевал.

Он поманил Заусенца к душевой. Идти не хотелось. Всё, что придумывал Багор, плохо заканчивалось. Вообще нахо-

диться рядом с ним было небезопасно. Но и противоречить ему было себе дороже. Заусенец промычал что-то, возражая, пожал плечами и пошёл. Они пробирались сквозь густые заросли крапивы и чертополоха. Душевую сколотили в дальнем углу сада, вдали от взглядов, чтоб потом устроить в ней склад.

Багор шагал бесшумно, крался как кот, готовый стащить плохо лежащую рыбину. Он чуть втягивал голову в плечи, словно профессиональный боксёр, готовящийся к удару. Они подошли к стенке душевой. Багор приложил палец к губам и бесшумно произнёс: «Тссс!» Заусенец с осторожностью прильнул к щели между горбылём, на которую ему указал Багор. Она была совсем крохотной, так что они могли видеть всё, а их засечь не могли.

Раздевался седьмой класс. Он жадно и с ужасом смотрел, как раздеваются девчонки, скидывая с себя одежду перед помывкой. В груди что-то перехватило. Голодными глазами они смотрели на прорези между ног, на острые груди. Вдруг он увидел её. Женька раздевалась неторопливо, как делают это все красивые девочки, осознающие свою красоту, чтоб остальные любовались их телом. Заусенец почувствовал, как напряжение стянуло своей стальной рукой горло, он с трудом проглотил комок. Что-то приятное зажглось внизу живота, вздымалась и ходила грудь. Он задышал чаще. Женька вскинула руки и расплела пшеничные волосы, разлетевшиеся по плечам. Он смотрел на золотистый пушок внизу живота, на

нежную персиковую прорезь, и медленно переводил взгляд на бордовые, налитые крепостью соски, на груди, которые хотелось взять в ладони и мять, мять... Он отольнул от душевой и взглянул на Багра. Тот нехорошо улыбался и смотрел на Заусенца сверху с видом знатока. При этом гадко закусывал губы и лыбился.

Заусенец вновь прильнул к щели. Женька стояла в неестественной, нелепой позе и намыливала себя мочалкой. Как же это было интересно, почему-то нельзя было оторваться от этой картины – Заусенец готов был стоять там вечно. Хорошо, что у них затеяли ремонт в основной душевой.

Резкий окрик «Ах, вы, засранцы, ну я вам сейчас покажу!» заставил его вздрогнуть. К ним летела воспиталка Ираида Андреевна. Багор отскочил от душевой, нырнул в заросли, но было поздно. Наперерез ему дорогу перекрыл сторож. Он сбил Багра с ног и, заломив ему руки, потащил его к Ираиде.

– Вы что, подсматривали за девочками?

– Ну ничего! Я вам покажу! Я вас так проучу, я раз и навсегда отобью у вас охоту заниматься глупостями. Устроим вам, как Григорьеву! Погодите!

Григорьев был хулиганом, и всё время стрелял иглами, выплёвывая их из трубки. К иглам он приделывал кусок пенопласта и перья. Получался самодельный дротик. Идя в столовую, он, целясь в кого-то из девчонок, промахнулся и выстрелил воспитательнице Марии Ивановне в грудь. Её

возмущению не было предела. Его скрутили и утащили в одну из спален. В спальню зашли три воспиталки. Сторож стал снаружи у дверей и отгонял любопытных. Все толпились в коридоре вокруг, стараясь разузнать, что там творится. Дверь была стеклянной и до метра семидесяти покрашенной, чтоб воспитатели могли подходить, следить, все ли улеглись, и контролировать порядок в спальне. Сторож при­вставал на цыпочках, чтоб лучше видеть, что творится внутри, периодически оборачивался и цыкал на мешающих ему и подпрыгивающих детей.

– Чего лезете? Внутрь хотите?

– А что с ним делают?

Из спальни доносились звуки тяжёлых ударов. Вышла Ираида и попросила сторожа намочить полотенце в мужском туалете. Она снова вернулась. Григорьев истошно орал. Затем наступила зловещая тишина.

– Что там? – толпа снаружи волновалась.

Сторож смотрел и приговаривал:

– Самое интересное началось. Хозяйства лишать будут.

Об этой экзекуции ходили легенды. Говорят, что первым на неё отправили Кольку Иванова, страдающего хроническим энурезом. Он достал воспиталок в летнем лагере. Каждое утро продолжалась одна и та же сцена: Колька вставал весь мокрый, собирал бельё и тащил его через весь лагерь к хозблоку, где была договорённость сдавать грязное бельё в прачечную. Перед тихим часом он получал выстиранное бе-

льё, но история повторялась – его снова ругали. Тогда Кольку решили проучить. Чтобы неповадно было. Решить проблему радикально. Раз и навсегда. Чтоб он не писался, ему объявили, что его лишат хозяйства. Он получил такой шок, что после этого боялся ночью засыпать, а во второй половине дня почти перестал пить. Энурез не прошёл, но «позориться», как говорили воспитатели, он стал реже, потому что долго лежал и до трёх-четырёх утра по нескольку раз бегал в ведро, стоявшее в коридоре; измотанный и опустошённый, он засыпал под утро, а потом ходил весь день как привидение, кляня носом и засыпая на ходу.

Вышла Ираида и сказала сторожу: «Принесите ножницы и спирт. Будем оперировать». Все заволновались. Кто-то, кто не любил Григорьева, стоял, с трудом скрывая тайную радость на лице, другие радовались, что это происходит не с ними, кому-то не терпелось посмотреть – хоть краешком глаза. Кто-то шутил, что хозяйство скормят Трезору, огромному беспородному псу, обитавшему на задах кухни. Сторож вернулся, неся ножницы, вату и медицинский спирт.

– Дезинфекция, – важно сказал он, – всё по науке.

Дверь приоткрылась. Слышно было, как Григорьев, увидев ножницы, заорал так истошно, так надрывно, что казалось: лёгкие и все внутренности вылетят из него наружу. Он рыдал и орал, умолял и просил, задыхался и захлёбывался, но они были непреклонны. Воспиталки знали, что жестокий розыгрыш надо доводить до конца. Они по-настоящему на-

девали перчатки и обрабатывали корень хозяйства спиртом – провинившийся должен был быть до конца уверен, что всё на самом деле и операция неминуема. И когда воспиталка брала перчатками хозяйство и медленно подносила ножницы, а наказуемый истошно орал и захлёбывался собственными мольбами, пытаясь вырвать руки из верёвок, которыми он был привязан к спинке кровати, только тогда его, обессиленного, униженного и сломленного, чудом спасала какая-то случайность, причём не прощение, не помилование, а именно случайность: кто-то из персонала картинно входил и просил всех срочно прийти к директорисе. И тогда о приговорённом просто как бы забывали, а он продолжал жить в постоянном страхе, понимая, что не оправдан, а лишь чудом спасся...

В этот раз обошлось. Багра избили и оставили связанным лежать без движения на кровати, отвязав на следующий день, а Заусенца лишь попугали и оставили без ужина. Но он не чувствовал голода. Всякий раз, как он закрывал глаза, на него наплывали Женины груди с бордовыми крупными сосками, та её неуклюжая, но такая притягательная поза, смешная, но одновременно неотразимая; он старался всё вспомнить в мельчайших подробностях: золотистые курчавые волосы под мышками и в паху, которые она бесстыдно рассматривала и чесала, её ягодицы и прорези, которые она намыливала и тёрла. Он мог часами теперь сидеть, прикрыв глаза, мечтательно по крупницам воссоздавать ту сцену, чув-

ствуя постепенный прилив возбуждения, оставаясь наедине с этой тайной. А когда он встречал Женьку, то сначала инстинктивно отводил в стыде взгляд, но затем любопытство брало верх, и он сначала украдкой, подворовывая, слизывал краешки Женькиного образа, а потом, осмелев, смотрел на неё открыто и долго, так что она грубо, но всё же приятно для него спрашивала: «Чего не так?»

Так в его жизни появилась первая могущественная страсть, не дававшая ему уснуть, подчинявшая себе все его действия и поступки. И когда после отбоя воспиталки ходили по палате и орали всем: «Руки на одеяло!», – он замечал, что ему всё сложнее и сложнее выполнять эту команду, так как он инстинктивно, ещё не понимая, что с ними делать, прятал руки под одеяло. Самым большим его желанием было наяву зайти в душевую, когда Женька будет мыться, но не со всеми, а одна, и разглядывать её не сквозь щель, а прямо, вблизи.

Заусенец влюбился, но сам он не осознавал своей любви – он лишь бежал туда, куда его тянуло.

Глава 5. Антонио снял очки

Антонио снял очки, достал из внутреннего кармана специальную плюшевую салфетку, поднёс очки ко рту, горячо выдохнул и стал протирать запотевшие стёкла, потом поднял их к свету – понял, что стало хуже.

– Повторяю, это не повод отчаиваться – у меня есть семьи, которые по десять раз пробуют ЭКО и не сдаются. Мы только в начале пути.

– Магда, выпейте воды, – с этими словами он опрокинул графин в стакан – небольшая лужица образовалась на столе.

– Прошу вас.

– Спасибо, знаете, доктор, я всё, конечно, понимаю, но я не могу принять одно. Почему именно я? Я хотела сказать, именно мы так наказаны? За что?

Из её карих расширившихся глаз брызнули слёзы.

– Магда, поймите, все красивые создания размножаются с трудом. Возьмите, к примеру, тигров или породистых собак, а все, кто хорошо размножается, ужасны, зачастую отвратительны.

Доктор Антонио посмотрел в окно: «На что только не приходится идти, лишь бы успокоить эти парочки». Был март, и настоящий летний зной наполнял помещение, задувая со Средиземного моря. Скоро начнётся пляжный сезон, хотелось думать о прелестях жизни, а не об очередной лечеб-

ной драме, которую он наблюдал. Но он понимал, что у Магды хронический эндометриоз и он вряд ли чем-то сможет помочь. В последние годы он столкнулся с тем, что все пары, которые обращались к ним в клинику, безуспешно делали ЭКО, до результата доходили лишь единицы. Процедура перестала быть эффективной, либо процессы, сопровождавшие демографическую катастрофу, зашли так далеко, что медицина была уже бессильна. Он устал от накопившегося негатива. В интересах клиники он вынужден был постоянно стимулировать пациентов на прохождение процедуры, но как врач он часто понимал, что они бессмысленно мучают пару, не достигая никакого результата. Антонио почувствовал сначала лёгкий дискомфорт, который стал перерастать в хронический недуг. Сон улетучился, сменившись бессонницей, он стал раздражительным и нервным, чего раньше никогда за собой не замечал. И тогда он понял, что причиной тому не что иное, как постоянная ложь и конфликт интересов, которыми он окружён. Случилось самое страшное: он не мог как врач говорить пациенту правду. И тогда он стал искать для себя выход из ситуации, чтобы найти спасительный компромисс с собственной совестью. Он позвонил своему старшему брату, преуспевающему кардиохирургу, и попросил приехать к нему в кабинет. Фелипе всегда был главным советчиком во всех делах. Так повелось с раннего детства, что Антонио во всём следовал за братом. Даже факультет медицины они выбирали вместе – точнее говоря, выби-

рал Фелипе.

Раздалась мягкая, переливчатая мелодия домофона. Антонио нажал на клавиши, не спрашивая, кто, и открыл дверь. «Primum non nocere»¹¹, – вертелось у него в голове...

– Привет, Антонио.

– Привет, Фелипе.

Они обнялись. Антонио почувствовал крепкий запах табака.

– Как ты? Как Паула, как дети? Всё в порядке?

– Да, они поехали к тёще в Вальядолид.

– Точно всё в порядке? У тебя беспокойный вид.

– Да... То есть нет. Ничего не случилось, просто я устал от работы. То есть не от работы, потому что её не так уж и много. Скажи, Фелипе, а тебе часто приходится врать на работе?

– Что ты имеешь в виду? Я тебя не вполне понимаю. О чём ты?

Антонио взглянул на часы.

– Это долгий разговор, я что-то проголодался. Пойдём в бар.

Они спустились вниз на улицу и, пройдя полквартала, зашли в бар. Антонио привычно поздоровался с барменом. Сегодня он уже дважды побывал здесь: в восемь утра выпил кофе с молоком, а затем в час пополудни съел торт-

¹¹ Прежде всего не вредить (лат.) – медицинский афоризм.

лью¹², запив пивом. Он любил этот бар и иногда заходил сюда несколько раз в день.

– Принеси мне два пива, хамона¹³ и сыра. И порцию оливков.

Фелипе отпил пива и сказал:

– Ты знаешь, в современном мире все врут. Всегда и везде. Что тут необычного? А что случилось?

– Я, наверное, просто устал. Много пациентов, но ничего не выходит. И я практически уверен, что не выйdet. Потому что уже после первой-второй попытки я знаю, что, скорее всего, ничего не получится. Но клинике нужны пациенты, и я вынужден подогревать их надежды и стимулировать на новые и новые ЭКО. А толку никакого. Женщины получают новые стрессы и новое опустошение. Мне тяжело смотреть им в глаза. Я знаю: то, что я делаю, – это нехорошо. Но ничего не могу поделать, так как боюсь, что меня уволят, если я не буду гнать план. Вот такой заколдованный круг.

Фелипе поднял бокал и бросил: «Salud!»¹⁴

Антонио кивнул. Они сделали несколько глотков. Фелипе закусил маслянистым тёмным ломтём хамона.

– Объясни, брат, я не понимаю, а в чём состоит вред, отчего ты мучаешься? Оттого, что они платят лишние деньги, или что?

¹² Тортилья – традиционный испанский омлет с картофелем.

¹³ Хамон – испанский деликатес, сыровяленый свиной окорок.

¹⁴ На здоровье! (исп.).

– Нет, не от этого. Просто, когда им уже окончательно ясно, что с ЭКО тоже ничего не получится, они начинают процесс усыновления, на который тоже уходит до трёх лет. Иногда они так долго занимаются этими процедурами, что попросту теряют время. Этого я боюсь больше всего. Что они, слушая меня, мысленно откладывают усыновление и теряют драгоценное время. Вот что страшно.

– Послушай, Антонио. У нас в кардиологии возникают ситуации гораздо серьёзнее. Моральная ответственность и напряжение, которые испытываю я, не сравнить с твоими. Тебе сложно выйти и объявить паре, что у них будут проблемы с оплодотворением, а возможно, у них никогда не получится забеременеть? Но ведь у них всё равно есть выход. Да, они не смогут иметь своих детей, но смогут усыновить, и у них будут дети, они всё равно станут родителями и будут счастливыми. Ты только представь, что испытываю я. Мне приходится выйти и сказать пациенту, что мы будем делать ему крайне опасную, рискованную и порой авантюрную операцию, в результате которой с вероятностью в пятьдесят процентов он умрёт прямо в операционной. Как тебе – выйти и сказать такое? Знаешь, я хоть и привык, а всё равно, смотря в глаза пациентов или их родственников, я не могу озвучить им правду, такую правду. Да и зачем это нужно? А у тебя ситуация намного проще. Ты можешь дать им надежду. «Ребята, не известно, сколько времени мы будем проводить новые попытки ЭКО. На это могут уйти годы. Давайте подадим

заявление на усыновление. А потом, может быть, и забеременеете». Вот тебе и компромисс!

Антонио отхлебнул ещё пива и прищурился. «До чего же хорош мой брат», – подумал он. Сразу всё разложил по полочкам и нашёл выход. Он будет рекомендовать пациентам сразу же идти на усыновление. Параллельно. Не дожидаясь результатов ЭКО. И тогда они смогут расслабиться, снять напряжение. Возможно, это поможет, и женщины смогут легче забеременеть...

– Фелипе, спасибо тебе.

– Не за что. Ты, если хочешь потренировать нервную систему, ко мне в операционную приходи. Я уже ничему не удивляюсь...

Глава 6. Следователь Грегорио

Следователь Грегорио в своём кабинете последние лет пятнадцать маялся от скуки: настоящих дел в его распоряжении почти не было, начальство заваливало его рутинной и скучной мелочёвкой. Когда-то, поступив на юридический факультет, он зачитывался Сименоном и Кристи, представляя, как будет распутывать бесконечные клубки криминальных интриг, но реальность оказалось обыденнее и грустнее. Мелкое и бессмысленное в своих жалких масштабах бытовое воровство, незатейливое мошенничество, хулиганство составляли большую часть его дел. Сидя в своём кабинете, он любовно поглаживал старую печатную машинку, на которой набирал первые дела, пока они не были выброшены на свалку времени. В барабан так и был запровлен пожелтевший бланк, на котором застыла дата. Те времена были окутаны романтическим флёром. Современность, казалось, застыла в гладких буднях, лишённых всяческого сюжета и смысла. Он выбрал эту профессию, чтобы было нескучно и интересно жить, но реальность превратила его в бюрократа, оформляющего пустые дела вроде воровства пачки риса и йогуртов из «Меркадоны»¹⁵ или поимки наивного мошенника, представлявшегося сотрудником «Иберии», преуспев-

¹⁵ «Меркадо́на» – крупнейшая сеть супермаркетов в Испании.

шего в наборе групп на курсы стюардов и выдаче студентам фальшивых дипломов. Грегорио арестовал его, когда он принимал очередной экзамен.

Эти дела поражали своей рутинной, в них не было доказательной базы (впрочем, она и не требовалась), они не пробуждали в нем никакой мысли. Он откровенно скучал. Он взял в руки набор дисков о приключениях Торренте¹⁶ с забавной мордой Сантьяго Сегура¹⁷, расплывшейся в лоснящейся улыбке. Надо будет взглянуть вечером.

Зазвонил телефон.

– Грегорио! – голос его начальника отдавал лёгким каталонским выговором.

– Слушаю!

– Зайди ко мне, для тебя есть одно любопытное дело.

Любопытное! Что это ещё может быть? Он вспомнил, как неделю назад ему поручили расследовать дело о вымогательстве, когда клиент отказался оплачивать счёт за две бутылки шампанского, попав на консумацию в стриптиз-клубе. Когда восточноевропейская красавица положила ему руку на плечо и томно попросила угостить её, он, нисколько не сомневаясь, щегольски приказал официантам принести выпить, даже не удосужившись заглянуть в меню. Затем, когда он

¹⁶ «Торренте» – знаменитый испанский сериал о приключениях комика-полицейского.

¹⁷ Сантьяго Сегура – испанский комедийный актёр.

распил с зеленоглазой Златой две бутылки просекко¹⁸, ему невзначай принесли счёт, в котором фигурировала астрономическая сумма... Он отказался платить, и тогда на барную стойку положили несколько фото с ним в объятых всё той же Златы и пригрозили, что отправят это его жене. Клиент продолжил скандалить, и дело докатилось до полиции и до суда. Дохлая проза жизни. Ровным счётом ничего интересного.

– Привет! – начальник департамента, старый полковник Моралес, поздоровался, по привычке не поднимая головы – так что Грегорио всегда приветствовал его лысину. Перед ним на столе было разложено дело, которое полковник внимательно перечитывал.

Лысина продолжала:

– Проходи, садись!

Грегорио выдвинул из-за т-образного стола стул и сел у ножки буквы.

Полковник распрямился и стал тереть лицо, собирая в конце движения рот в ладонь. Взял папку за уголок и бросил Грегорио, словно она должна была вспорхнуть и лететь сама. Она плюхнулась на стол ровно на полпути.

– Вот, ты всё жалуешься, что нет ничего интересного, держи!

Убийство! И не просто убийство, а неслыханное преступление! Ребёнок, усыновлённый из России, убил мать и едва

¹⁸ Просекко – итальянское вино, сухое, игристое

не прикончил отца! Отец с трудом выжил, находится в провинциальном госпитале. Такого ещё не было в истории Испании. Первый раз!

«Всё когда-то случается впервые», – почему-то подумал Грегорио и вздрогнул. У него с Лаурой был один сын, и уже четыре года как не получался второй ребёнок. Врач говорил Грегорио, что у него нервная работа, которая негативно сказывается на репродуктивной функции. Они ведь тоже планировали усыновление в России. Грегорио не испытывал большого энтузиазма по этому поводу, но Лаура загорелась и каждый день говорила только об этом. Она накупила десятки книг о воспитании приёмных детей. Два раза в неделю они посещали курсы приёмных родителей, где с ними беседовали психологи и социальные работники, задавая им сотни вопросов.

– Благодарю вас, полковник!

Уже у себя в кабинете он раскрыл папку и поморщился. В деле были фотографии с места убийства. Он стал читать описание судмедэксперта. В его голове сразу же возникла картина трагедии.

Это произошло ночью, около трёх часов. Приёмный ребёнок ворвался в спальню родителей и стал наносить беспорядочные удары ножом, а затем убежал. В результате мать погибла практически сразу, а отец, залитый кровью, сумел позвонить 911 и вызвать скорую и полицию. Вторым ребёнком в ужасе спрятался в своей комнате и не выходил оттуда. У

него нет алиби, но он, скорее всего, невиновен, так как первый весь залит кровью и вместо слов издаёт какое-то нечленораздельное мычание.

«И что же тут интересного?» – с раздражением подумал Грегорио. Здесь опять нечего расследовать. Все заключения уже сделаны. Картина преступления ясна. Отпечатки принадлежат младшему брату. Опять никакой интриги.

В дверь постучали. Зашла секретарша Виктория и спросила: «Отправляем на спецэкспертизу, или как?»

Спецэкспертизу делали в сложных случаях, когда было неясно, кто убийца. Судя по описанию места преступления, в данном случае мог быть один подозреваемый – его и следовало заключить под стражу.

Грегорио взвесил дело на руке и опустил на стол.

– Нет, я думаю, здесь и так всё ясно. обойдёмся без спецэкспертизы. Ничего нового она нам не даст.

Глава 7. Курсы приёмных родителей

Курсы приёмных родителей, на которые записались Хоакин и Магда, проводились в актовом зале банка «Сантандер», предоставлявший свои площади агентству по усыновлению. Лекции по возрастной психологии, педагогике и другим смежным дисциплинам читала вице-президент Коллегии психологов Сира Мартинес. Её звонкий голос прорезал аудиторию, а взгляд сверлил слушателей насквозь. Вся она была колкой и цепкой, казалось, что её цель – не подготовить приёмных родителей, а, наоборот, выявить у них качества, которые могут помешать усыновлению в принципе. Сире больше нравилось смаковать проблемы, обсуждать ошибки и пути их решения. В ходе обсуждения она моделировала такие ситуации, что Хоакину казалось, что она испытывает их терпение, а её тайная цель – чтоб они вскочили и выбежали из аудитории, хлопнув дверью. Ситуации предполагали, что их спокойная, размеренная средиземноморская жизнь, в которой всё по расписанию – подъёмы, завтраки и обеды, поездки на работу и походы в гости, в одночасье превращается в крошечный ад, где главным становится несовершеннолетний (Сира почему-то всегда употребляла этот термин, старательно избегая слова «ребёнок»). Так вот, этот

бездушный несовершеннолетний варвар начинает всё крушить и над всеми издеваться, переворачивая вверх тормашками их жизнь, их традиции, ломая их привычки и семейный уклад. Самое страшное, что с таким ожесточением предсказывала Сира, – неблагодарность, которую проявит этот «несовершеннолетний», бесцеремонно потребляя, требуя и портя всё, даже их с Магдой отношения.

В ходе работы они выполняли различные тесты на совместимость, претендующие на то, чтобы выявить степень их самопожертвования и эмпатии; тесты были несуразными, и обнаруживали их полнейшую несовместимость. Главное во всей этой подготовке состояло в принятии на себя нелепого условия, что именно они должны заботиться о счастье ребёнка, а не он сделает их счастливыми. Всё это подкреплялось многочисленными упражнениями, на которых выяснялись их долготерпение и мягкость. Постепенно Сире удалось втемяшить им в голову, что это будет не увлекательная прогулка, а тяжёлое, неприятное, крайне рискованное предприятие, дорогостоящее и неудобное, на которое они должны решиться.

Временами Хоакин вообще не понимал, зачем он здесь, по какой такой причине в наше время, когда многие живут вообще без детей, он должен так страдать. Ему тут же вспоминалась картина, как они с Магдой ездили к его родителям под Саламанку, где регулярно собиралась вся его семья. Старший брат Висенте приезжал с женой Алисией и тремя

дочерьми, младший Артуро – с женой Эстелой и двумя мальчиками. Дети возились в саду, играя с котом. Магда отстранённо и холодно смотрела на играющих племянников, на её лице улыбалось всё, кроме глаз. В саду, в тени олив, накрывали длинный стол. Его мать ставила овощной салат, отец раскладывал деревянные дощечки с хамоном Bellota¹⁹ и сыром Manchego²⁰, Pimientos de padrón²¹ и Papas arrugadas²², из погреба доставали вино. Алисия без задней мысли, естественно и буднично спрашивала Эстелу: «Третьего планируете?» Разлившаяся по столу неловкая пауза, сопровождаемая перекрёстными взглядами, заполнялась отвлечённым вопросом Висенте, искусственно обрывавшего скользкую тему: «Хоакин, расскажите нам, куда вы планируете поехать в этом году – Канкун, Пунта-Кана? Мы в июне едем на Лансароте», – но было поздно —щеки Магды зарделись, и бордовая краска то ли неловкости, то ли стыда уже проявлялась под её кожей. Ночью, когда они оставались наедине в своей

¹⁹ Jamón ibérico de bellota – хамон высшего качества. Для него используются свиньи 75%-й чистокровности иберийской чёрной расы. На последней стадии выращивания их выпускают на большие открытые участки с дубами, где они питаются желудями и травой.

²⁰ Манчего (Manchego) – испанский овечий сыр из региона Ла-Манча.

²¹ Pimientos de padrón – разновидность перца, маленькие зелёные перцы, жаренные на сковороде, на гриле, фри; типичны для испанской кухни, особенно галисийской.

²² Papas arrugadas – популярное испанское блюдо, как правило, подаётся в качестве гарнира. Мелкий картофель в мундире, сваренный в крупной соли, подаётся со специальным красным соусом «мохо», в состав которого входит кориандр.

комнате, неминуемо следовал нервный срыв. Сухая истерика, как он её называл, была ещё страшнее, чем влажная, когда через слёзы выходит то, что наболело и надорвало душу изнутри, а тут не выходит, слёзы остаются как бы внутри, в душе, и продолжают разъедать её...

Ради избавления от этих душных сцен он и терпел все эти курсы, тесты, все эти нелепые и бредовые задания, которые ему давала на занятиях Сира. Он уже не задавался вопросами, когда надо было рисовать разноцветные кружки и квадраты, ползать по лабиринту, отвечать спонтанно, с закрытыми глазами и вообще проходить всевозможные испытания, одно несуразнее другого. Ему было тридцать пять, Магде тридцать два, они уже привыкли жить вдвоём. Видимо, задачей Сиры было расколоть на части тот футляр эгоизма, в который они себя заключили. И у неё это получалось. Хоакин, как ни восставало от этой мысли всё его естество, всё более и более соглашался с тем, что тот процесс, который они начинали, будет соответствовать исключительно интересам несовершеннолетнего, а их желание стать родителями продиктовано желанием обеспечить усыновлённому ребёнку семью. Он всё больше понимал, что на этом пути их ждут не радости, а напряжённая работа и ответственность. Но что больше всего раздражало его в этом процессе – та безоговорочная отрешённость, с какой все это воспринимала Магда: Сира потребовала у неё на время прохождения тестов и подготовительного процесса отказаться от дальнейших по-

пытках ЭКО. Это было вызвано необходимостью сосредоточиться именно на усыновлении. Якобы ЭКО могло каким-то образом отвлечь от идеи стать усыновителями. Но Магда пошла дальше: отказавшись от попыток оплодотворения, она отстранилась и от сексуальной жизни вообще. Всё это накладывало отпечаток на отношения с Хоакином, в которых образовывался явный перекося. Чем больше они погружались в проект их совместного будущего, тем больший урон наносился их настоящему, их отношениям, их физической близости. Чем больше они говорили об усыновлении как о способе, который заменял естественное деторождение, тем более происходило в их паре отмирание самого процесса, к деторождению приводящего.

Хоакин чувствовал, что он, сам того не желая, должен выбрать героический путь, в котором не останется ни капли эгоизма и индивидуальности; в обмен на своё собственное благополучие он должен будет раствориться в усыновлённом ребёнке, Магде и её непрекращающихся истериках, подчиняя всю свою жизнь такой непонятной и недостижимой цели, как чужое человеческое счастье.

Сира взяла пульт от кондиционера и нажала на несколько кнопок. Кондиционер ответил, махнув подкрылками воздуховода, и погнал ледяной воздух с отчётливым шумом. В аудитории было душно, Сира достала платок и вытерла капли пота со лба. Осторожно извлекла из папки фотографии и положила пачку на стол. Следующее задание: принятие

внешности и медицинского диагноза усыновляемого ребёнка. С этими словами она разложила на столе веером фотокарточки детей.

– Это фотографии несовершеннолетних, усыновлённых нашими родителями, – сказала она.

Хоакин снова поморщился от этого термина, словно с ним говорил не психолог, а следователь.

– Вы видите эти фотографии? Мой вопрос: кого из этих детей вы предпочитаете?

Магда взглянула на фотографии и выбрала светлую голубоглазую девочку с аккуратным носиком и правильными чертами, вопросительно взглянула на Хоакина (мол, ты не против, смотри, какая прелесть, какое маленькое чудо, ещё и с голубыми глазами, не правда ли?). Хоакин сморщил подбородок и мелко-мелко затрусил головой в знак согласия.

– Отлично, – сказала Сира, – в таком случае, вы не пригодны быть усыновителями. Я не могу вас аттестовать.

Она обернулась к присутствовавшему здесь сотруднику Марии Тересе, которая должна была составить свою часть социально-психологического исследования семьи.

– Что я тебе говорила? Они все выбирают эту карточку. Они все непригодны. Они расисты и хотят красивых детей. И желательно девочек. Мальчиков усыновлять никто не хочет. Потому что с ними больше проблем. С девочкой они обеспечат внуков своей семье, а с мальчиком внуки уйдут к другой бабушке. Они хотят гарантировать себе ещё и внуков, вот в

чём дело.

Хоакин не мог понять, к чему она клонит на этот раз. Магда была на пределе. Со всеми этими бесчисленными обследованиями, анализами, упражнениями она уже не могла понять, что от неё хотят. Хоакин посмотрел в её красные, воспалённые от постоянных слёз глаза. Магда постукивала карандашом по столу. Он протянул руку, взял у неё карандаш и отложил в сторону. Ещё не хватало, чтобы психолог отказала им в пригодности из-за нервного истощения Магды. Спустя несколько секунд карандаш вновь оказался у неё в руках.

Чего же она от нас хочет?

– Мне бы хотелось, чтоб вы уяснили для себя одну вещь, – Сира сгребла фотографии в одну кучу и перевернула их изображением вниз, – у вас не будет никакого выбора. Вы не можете желать усыновить именно мальчика или девочку. Более того, вы не можете желать, чтобы ребёнок был синеглаз и белокур. Вы также не можете желать, чтоб он был похож на вас. Как происходит выбор? Никак. Некий чиновник в стране усыновления подбирает вам несовершеннолетнего. Будет ли он красивый, здоровый, европейской внешности, синеглазый или нет – от вас не зависит. У вас нет никакого выбора. Тот, кто будет подобран вам, должен быть вашим сыном или дочерью. Если вы откажетесь, вас поставят в конец очереди, и вы будете два или три года ожидать нового подбора. Вы это поняли? Надо отбросить пустые мечтания, ожидания и прочие установки. Вы готовы к этому? Итак, по-

вторяем эксперимент.

Сира вновь разложила фотокарточки перед ними. Какой правильный ответ?

– Мы готовы усыновить любого несовершеннолетнего, которого нам подберут, – сказал Хоакин и перевернул все фотографии.

– Вот это мне нравится. А теперь давайте обсудим медицинские диагнозы – они у детдомовских детей делятся на врождённые и приобретённые, обусловленные пребыванием в интернате.

В основном все медицинские диагнозы содержат такую фразу: «Задержка психомоторного развития». Или: «Задержка интеллектуального, психического или психоречевого развития». Поскольку многие рождены от родителей-алкоголиков, то в истории болезни часто присутствует фетальный алкогольный синдром и перинатальная энцефалопатия. Гипертензионно-гидроцефальный синдром.

Хоакин переспросил:

– Гипертензионно какой?

– Гидроцефальный.

Магда старательно заносила все диагнозы в записную книжку с аистом на обложке. В клюве аист нёс пелёнку, из неё выглядывал улыбающийся малыш.

– Самое неприятное, – Сира продолжала металлическим голосом, – это то, что по этим диагнозам совершенно невозможно определить, какова степень поражения головного

мозга и центральной нервной системы усыновляемого. Мы столкнулись с тем, что дети с вышеперечисленными диагнозами были абсолютно здоровыми и ничем не отличались от своих сверстников. В семье при соответствующем уходе и занятиях они быстро нагоняли домашних детей. Но бывали случаи, когда с этими же самыми диагнозами приезжали дети, которые находились на грани умственной отсталости, которые имели такие глубокие поражения головного мозга, что годами не могли интегрироваться в наше общество и нашу школу, плохо учили испанский и представляли огромное количество проблем для родителей.

Хоакин взглянул на Магду. Она зачем-то продолжала писать за Сирой, хотя было очевидно, что записывать последние несколько фраз нет никакой необходимости.

– Простите, Сира, вы хотите сказать, что ребёнок может оказаться умственно отсталым? – Хоакин не мог поверить в то, что он слышит.

– Да, именно это я и хочу вам сказать. Вы должны осознавать, откуда берутся эти дети. И должны понимать те процессы, которые имеют место в усыновлении в России. Самые хорошие дети идут либо на внутреннее усыновление, либо разбираются американцами. Наш координатор в России объясняет процесс именно так. Нам остаётся, как он говорит, сито. Но не то, что внутри, а, наоборот, то, что просыпалось. То, что отказались брать американцы... Поэтому риск получить kota в мешке намного выше.

Глава 8. Когда они вышли с курсов

После изнуряющих занятий Хоакин почувствовал, что надо скрасить этот вечер. Решив, что не хочет возвращаться домой, он предложил Магде пойти в Mesón Castellano²³. У них было несколько любимых ресторанов, но этот он любил больше всего. Он позвонил, чтоб зарезервировать столик на террасе.

Все официанты знали его и Магду по имени, а некоторые даже знали, что они будут заказывать, изредка варьируя возможные комбинации блюд. Он чувствовал голод, видимо, из-за стресса от полученной информации. Курсы всякий раз открывали всё новый и новый набор откровений. И чем больше они погружались в тему, тем больше он осознавал, на какую гигантскую жертву им предстоит пойти, прежде всего ему.

– Будьте добры, ассорти хамона и сыра и бутылку Marqués de Cáceres Gran Reserva²⁴.

Подошёл сомелье, элегантный и идеально выбритый, вытянутый в струну, разогнул перед ними руку, на которой от ладони и до локтя лежала бутылка вина. Хоакин кивнул, и тот завозился с пробкой, приставив к бутылке нарзанник²⁵.

²³ Mesón Castellano – знаменитая сеть испанских мясных ресторанов.

²⁴ Marqués de Cáceres Gran Reserva – самая известная испанская марка красного сухого вина из провинции Риоха.

²⁵ Нарзанник – «нож сомелье», профессиональный штопор.

Взял за ножку фужер, плеснул вина, поворачивал фужер, смотря на свет, как тягуче стекает бордовая жидкость по стенкам, и предложил Хоакину попробовать. Тот отхлебнул глоток, выждал положенную паузу и кивнул. Сомелье удалился, Хоакин поднял фужер и сказал:

– Магда, я хочу выпить за наше счастье! Я хочу, чтобы мы были счастливы! Это самое главное.

Магда дежурно улыбнулась, протянула ему фужер и сказала:

– Да, это самое главное.

Принесли закуски. Почувствовав первое насыщение, Хоакин продолжал:

– Дорогая, скажи мне, а тебе хорошо со мной?

– Да, конечно.

Магда отвечала на автомате, не подняв на него взгляда.

Хоакин почувствовал кинематографичность и искусственность сцены и подумал: «А что ещё ждать, когда естественным путём ничего не получается... Искусственное оплодотворение. Искусственное материнство. Искусственное отцовство. Искусственные дети. Искусственные отношения».

– Я имею в виду, хорошо ли нам вдвоём?

– Вдвоём – ты имеешь в виду, зачем нам кто-то нужен?

Кто-то ещё?

«Как всё плоско получается, – подумал он. – Какие ломкие, искусственные паузы в разговоре. И какой ужасный сю-

жет». Он должен как бы отговаривать её, понимая изначально, что она ни от чего не отступится, он осознавал, что все его попытки тщетны.

Сегодня Сира сказала жуткие вещи. Он отхлебнул ещё вина для уверенности.

– Мы должны по крайней мере обсудить, на что мы готовы и каковы границы нашей терпимости. Что мы можем себе позволить, а на что не можем пойти ни при каких обстоятельствах. В любом случае лично я абсолютно не готов взять ребёнка... умственно отсталого ребёнка. Я не могу себе даже представить этого. Но Сира говорит, что риск велик и что это – лотерея. Очень жестокая лотерея, в которой нет выигрыша. Что ты думаешь по этому поводу?

«Разговор не клеился», – подумал Хоакин. Вообще, как только он поднимал тему усыновления, Магда замыкалась в себе, ещё больше испытывая чувство вины, и её не так просто было вытянуть на откровенный разговор, ведь причина бесплодия в их паре была именно в ней, Хоакин был абсолютно здоров. Рассказывая о походе к врачу и о пикантных особенностях сдачи анализа своим друзьям, Хоакин всё чаще получал недвусмысленные намёки от них, мол, не стоит ли ему поменять женщину. Но он привык к Магде и думать об этом даже не хотел.

– Что я думаю по этому поводу?

Она посмотрела на него такими уставшими глазами, что он испугался. Всмотрелся в её лицо – почему-то только сей-

час заметил, как много у неё уже морщин. Тридцать два года. Что же будет дальше? Ему почему-то стало жалко её.

– Да, я всего лишь хотел бы убедиться, что мы думаем одинаково. По крайней мере по этому вопросу. Или ты не согласна со мной?

Подошёл официант. Видя белую рубашку Хоакина и то, как он осторожно ест, стараясь не запачкать её, предложил и тут же повязал ему нагрудный фартучек.

– Я думаю так же, как и ты. Но я не могу больше ждать. Я хочу ребёнка. Если мне предложат ребёнка, я не смогу отказать и ждать в очереди ещё три года. А что, если снова уже не получится никогда...

– Но ты же не хочешь сказать, что мы ходим на эти безумные курсы, собираем такое количество бумаг, тратим столько денег, едем на край света, чтобы усыновить больного ребёнка? Зачем такие страдания?

– Хоакин, мы живём сами для себя! Мы едим, пьём, занимаемся любовью, ездим на курорты, живём сами для себя. Так больше продолжаться не может. Это бессмысленно. Мы ни о ком не заботимся, дома нас никто не ждёт. Я не могу выйти из дома, понимаешь? Мне кажется, у всех есть дети, у всех, кроме меня. Это невыносимо. Я не могу смотреть в глаза твоим родителям.

Он впервые почувствовал, что это тупик. Никогда до этого разговора она не говорила, что мучается, что у неё столько страхов и что ей элементарно неудобно находиться с людьми,

у которых есть дети. Проехала мать с коляской – живой укор и колотая рана в сердце Магды, прошла беременная – и настроение испорчено на неделю, с детской площадки доносится детский смех – новая травма и новое раздражение. Раньше нервные срывы наступали раз в месяц в определённые дни, и он мог их предсказывать, анализируя женский календарь. Теперь раздражение уже не поддавалось контролю: это была нескончаемая депрессия, постоянные провокации и скандалы. Само общение было затруднительным, каждый раз он ждал какого-то подвоха, а диалог напоминал хождение по минному полю. В конце концов всё неизбежно заканчивалось взрывом.

В ресторан торопливо, озираясь на официантов, зашёл молодой человек с холщовой сумкой через плечо и странным, загнанным выражением лица. Он ловко выуживал из сумки зажигалку с ажурной инкрустацией на боку и крохотную ламинированную карточку, на которой было написано: «Я глухонемой, приобретая этот сувенир, Вы помогаете мне».

Хоакин взял зажигалку и нажал на клавишу. Из отверстия вырвалось мощное фиолетово-оранжевое пламя. Он отыскал монету и положил на стол.

– Ты же не куришь?

– Для брата, – сказал он Магде.

Глухонемой вернулся, радостно схватил монету, поклонился в пояс и побежал по другим столам. Хоакин заметил,

что на других столах урожая не было. Ему стало приятно от того, что он совершил доброе дело.

Пришёл официант и поменял тарелки, специальной лопаткой сгрёб хлебные крошки и стряхнул их с белоснежной скатерти. Хоакин следил за его движениями, сожалея, что нет такого инструмента, чтоб так же ловко и безболезненно очистить жизненный путь человека, его душу и его мысли.

Когда официант отошёл, он собрал все остатки дипломатической хитрости в кучу, протянул руку, накрыл ею руку Магды и, дождавшись, чтоб она подняла на него взгляд, сказал:

– Магда! Мы достойны обычного человеческого счастья. Понимаешь, обычного. Такого, как у всех. Мы ничуть не хуже. И у нас должны быть нормальные здоровые дети, такие же, как у моих братьев. Я не собираюсь всю свою жизнь добровольно посвятить выхаживанию неизлечимо больного ребёнка! Одно дело, если бы это случилось естественным образом! Но совершенно другое – осуществить осознанный выбор и пойти на это самому. Это совсем другое! У нас всегда есть выбор.

– Это у тебя есть выбор, я же просто хочу детей, – еле слышно возразила она и громко добавила подошедшему к столу официанту: – Каталонский крем на десерт, пожалуйста, и натуральный кортадо²⁶.

²⁶ Кортадо – напиток на основе кофе, молока или сгущённого молока и взбитых сливок.

Глава 9. Евдокия имела привычку подниматься по будильнику

Евдокия имела привычку подниматься по будильнику, точнее говоря, просыпалась она за десять минут, слыша тот почти неуловимый щелчок, который производил часовой механизм, готовясь к трезвону. Но, в отличие от большинства людей, будильник она не отключала, а давала ему разразиться на весь дом противным звуком, который разрезал уши и пространство спальни пополам, вбивая в ещё нежную сонную голову очумелое настроение серого будня. Позавтракав наспех бутербродами с сыром и выпив чаю, Евдокия Александровна, наскоро умывшись (умываться она не любила, так как при этом приходилось лавировать между бородавками и смотреться в зеркало, чего она по причине своей внешности терпеть не могла), причёсывалась и укладывала на голове двухэтажный скворечник, что-то вплетая и расплетая, вставляя в мякоть волос длиннющие шпильки, которые чудом удерживали на голове эту конструкцию её собственной фантазии. Она спешила на работу так, словно считала, что может разразиться революция и её свергнуть с трона.

Наступили тяжёлые времена. Вся страна проваливалась в яму начала девяностых, райцентры стали мелеть, закрывалось производство. Люди стали переезжать в столицы и

крупные города в поисках заработка и лёгкой жизни. Детей стали бросать ещё больше, так как от бедности вся страна окунулась в беспробудное пьянство. В эти моменты и Евдокию Александровну, и воспиталок спасало то, что детдом каким-то чудом исправно снабжали продуктами, хоть и возникали некоторые досадные перебои, но, в целом, у них всегда были хлеб, мясо, сахар, молоко и картофель, чего было почти не найти на прилавках райцентра. Все воспиталки и Евдокия тащили домой большие пакеты с едой. Значение и должность Евдокии на фоне общей бедности возросли. Она могла себе позволить нормально питаться, что по тем временам уже было достижением.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.